Светлана Каминская

Восемь режимов гирлянды

18+

Светлана Каминская

Восемь режимов гирлянды

«Автор»
2025

Каминская С.

Восемь режимов гирлянды / С. Каминская — «Автор», 2025

Тоша Лисицына привыкла держать мир на своих плечах.Ее жизнь похожа на день сурка: работа в аэропорту, тяжело больной дедушка, проблемный пес. Не о таком мечтаешь в двадцать один год. Все, что у нее есть - родной Плёс, старенький «Москвич» и поддержка младшего брата. Но когда в ее рутину врывается призрак из прошлого, привычный уклад летит кувырком.Клим Морев — первая любовь, первое разочарование. Он заставляет Тошу вспомнить то, что хотелось забыть, и почувствовать то, что чувствовать нельзя. Но что делать, если только с его появлением жизнь мерцает яркими огнями, словно гирлянда? Как выбрать между долгом перед семьей и собственной свободой? Теплая история о поиске себя, выборе своего пути и свете, который можно зажечь даже в самой глубокой темноте.

© Каминская С., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Комбинированный 6
1 6
2 9
Волны 12
1 12
2 14
Один за другим 19
1 19
2 24
Парный 27
1 27
2 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Светлана Каминская
Восемь режимов гирлянды

Каминская Светлана
Восемь режимов гирлянды

Все персонажи и события вымышлены, любое сходство с реальными людьми и событиями случайно. Некоторые локации Плёса и Ивановской области представлены в авторском переосмыслении.

Комбинированный

1

Больше всего на свете Тоша ненавидела опаздывать. Будильник, оповещающий, что ей пора выходить, уже давно прозвонил, а Тимура все не было. Ее пальцы нервно отбивали дробь по комоду, а глаза то и дело поглядывали на старинные маятниковые часы на стене. Те равнодушно отсчитывали секунды, будто вынося приговор: «тик-так, тик-так».

Раздался телефонный звонок, и Тоша подскочила как ужаленная. Вытащила телефон из кармана, едва не выронив на пол.

– Алло!

– Здравствуйте, Антонина Лисицына! Стоматологическая клиника…

– Ах ты, черт, – Тоша сбросила спам-звонок, ругая про себя младшего брата на чем свет стоит. Ну где же его носит!

Огромный лохматый леонбергер по кличке Зверь, растянувшись на своем коврике, все это время сочувственно поглядывал на хозяйку.

– Хорошо тебе, – прошептала ему Тоша, – никуда спешить не надо!

Пес лишь что-то промычал и с тяжким вздохом перевернулся на бок, будто хотел показать, что вообще-то и у него жизнь не сахар – даже не погладят пузико лишний раз.

Но Тоша не обратила на него внимания. Она снова бросила быстрый взгляд на часы. Уже почти семь вечера! Она должна была выехать полчаса назад. Еще и снег пошел…

Телефон зазвонил снова – на этот раз на экране высветилась фотография Тимура.

– Мур, ну где ты? – она недовольно цокнула языком в трубку.

– Уже поворачиваю, выходи!

Услышав заветные слова, она с шумом выдохнула. С плеч словно свалился груз. Если повезет, успеет прямо к началу смены. Либо, по крайней мере, задержится максимум минут на десять. Не смертельно.

Она уже схватилась за дверную ручку, когда вдруг из дальней комнаты на первом этаже ее позвал дедушка:

– Нина? Нинок, где ты?

Голос звучал испуганно, и Тоша замерла на месте, прикусив губу. Все-таки разбудила! Но возвращаться было уже некогда, хоть в груди и распустила свои щупальца тревога.

Она повернула дверную ручку, вышла на крыльцо и пронеслась через двор, минуя старую яблоню и скрытый ветвями деревянный стол, где они всей семьей любили пить чай теплыми летними вечерами. Сейчас лавочки-пеньки спрятались под сугробами, а к калитке вела узкая вычищенная тропинка. Тоша выбежала на дорогу как раз в тот момент, когда у деревянных ворот затормозил старый небесно-голубой «Москвич», на миг ослепив ее светом фар.

– Прости! – водительская дверь распахнулась, и из машины выскочил Тимур. Его шапка сбилась набок, обнажив пряди светлых волос, а в голубых глазах плескалась вина. – Ленка Кузьменко ключи потеряла, мы всей группой искали. А еще снег этот – все Иваново стоит! И на въезде пробка…

– А то ты не знал, что снег пойдет, – буркнула Тоша, резким движением поправив брату шапку. Как другим помочь, так пожалуйста, а что сестра торопится на работу – подумаешь, пустяки!

Она закинула в машину рюкзак и устроилась на водительском сиденье. В пухлой зимней одежде было тесно, но печка в «Москвиче» грела плохо, так что приходилось ютиться, чтобы не окоченеть.

– Не злись, Тох! Пожалуйста, – Тимур наклонился и быстро чмокнул сестру в щеку прежде, чем она захлопнула дверь у него перед носом.

– Все, я опаздываю! – возмущенно крикнула она, хотя в глубине души уже оттаяла. Брат не виноват, что на дворе зима, а на дорогах пробки. Да и, в конце концов, он имеет право на нормальную студенческую жизнь.

– Дедушка не спит. Спрячь на ночь ключи от входной двери, – раздавала она указания, – на всякий случай. И дай Зверю лекарство, у него снова несварение!

– Ладно, – он закивал, как китайский болванчик, согласный на что угодно, лишь бы загладить перед сестрой вину. Она захлопнула дверь, но, как назло, та не закрылась. Пришлось хлопать еще раз, а затем еще – на холоде с «Москвичом» такое бывало. Справившись с дверью и вконец разозлившись, Тоша так резко потянула ремень безопасности, что его заело, и она зажмурилась, набрав полную грудь воздуха.

Спокойно. Все хорошо. Никто не умрет, если она опоздает чуть больше, чем на десять минут.

Пристегнувшись, она схватилась за ручку стеклоподъемника, пару раз крутанула, пока стекло не опустилось на несколько сантиметров, сняла машину с ручника и сдала назад, крикнув Тимуру в окно:

– И пропылесось, пожалуйста!

Лицо брата омрачилось, но он все равно послушно кивнул.

– Ужин в холодильнике!

Она свернула у Никольской часовни и выехала на набережную. Справа растянулась темная, подернутая льдом гладь Волги. Раскинувшийся над ней Плёс напоминал сказочный городок из сувенирного снежного шара. Пестрели огнями занавеси гирлянд под крышами домов с резными наличниками и палисадниками, манили уютом празднично украшенные лавочки, трактиры и погребки, блестели выбеленные непогодой купола церквей.

Стоял крещенский сочельник, и на улице вперемешку с местными сновали туристы. Кто-то приехал на вечернюю службу и купания, другие просто гуляли, фотографировались у реки или толпились у памятника Шаляпину. Тоша с раздражением поглядывала на улыбающиеся лица.

Она миновала Торговую площадь и вскоре выехала на улицу, ведущую к выезду из города. У шлагбаума на въезд тянулась длинная вереница машин – такси, каршеринг, личные авто.

Тоша посигналила охраннику, проверяющему документы. Дядя Миша, узнав голубой кузов «Москвича», приветственно махнул рукой и поднял шлагбаум. Смерив презрительным взглядом автомобильную очередь, Тоша выехала из Плёса и вжала в пол педаль газа. Мотор радостно заурчал, загремел, заполнил своим тарахтеньем салон машины. Она одну за другой переключала передачи, набирая скорость. Сорок, шестьдесят, восемьдесят…

Магнитолы в машине не было, и Тоша включила радио на телефоне. Поймала любимую станцию. Ведущие болтали о какой-то чепухе – «коротко опишите, насколько вы ленивый человек». Кто-то прислал сообщение в эфир: «Я настолько ленивый, что кручу руль коленями». Тоша засмеялась в голос и крепче сжала обшитый кожзамом руль, нежно постукивая по нему пальцами.

На стареньком «Москвиче» когда-то ездил дед, потом отец, а теперь пришла и их с Тимуром очередь. Но если брат относился к машине как к обычной железяке, то она при взгляде на небесно-голубой цвет кузова, круглые фары и хромированные молдинги видела в ней живое существо. Друга.

Сколько себя помнила, Тоша обожала ковыряться в машине. Ее детские воспоминания были неотделимы от «Москвича», а осознанная жизнь словно началась с того дня, когда дед разложил перед ней инструменты и сказал:

– Это плоскогубцы. Это молоток. А это – о, это самая необходимая и незаменимая вещь в мире! Она как волшебная палочка.

Дед поочередно указывал на инструменты, аккуратным рядком лежавшие на столе, а потом зажал что-то в ладони и поднес к Тошиному лицу, словно готовился показать фокус.

– Отвертка, – таинственно прошептал он. – Ключик от всех дверей!

Пока все остальные девочки с их улицы играли в куклы, лучшими Тошиными друзьями стали инструменты. Под ее чутким надзором они женились и разводились, заводили детей и ходили друг к другу в гости. Так пассатижи вышли замуж за клещи, а у напильника и отвертки родились братики-зубила. Иногда им приходилось и выходить на работу, чтобы помочь деду или отцу в гараже, и тогда Тоша звонко выкрикивала «Отвелтка!» и «Пласагубцы!», подавая инструменты. Папа одобрительно подмигивал:

– Ну ты молоток, Тоха!

В десять лет она мечтала получить на день рождения свой собственный мультитул, и когда дедушка с утра молча положил перед ней маленький чехол, перевязанный розовой лентой, она чуть не задохнулась от восторга. Правда, счастье было недолгим – дедушкин подарок очень быстро отобрал у Тоши мальчишка с Мельничной.

Тот-о-ком-нельзя-вспоминать.

Как бы она потом ни плакала и ни умоляла его вернуть подарок, он был непреклонен. Да и мультитула у него, скорее всего, уже не было – наверняка родители загнали кому-нибудь за полрюмки водки.

Шли годы, Тоша взрослела, но ее главная страсть никогда не менялась – девчонки-соседки начали гулять с мальчиками, а она все вечера и выходные проводила, согнувшись над капотом, с грязными по локоть от машинного масла руками. Соседи называли ее странной, а мальчишки крутили пальцем у виска, мол, не девчачье дело – в машине ковыряться. Она выделялась среди сверстников точно так же, как если бы в Плёсе вдруг вырос небоскреб. Мама тщетно покупала для нее платья и заколочки. Ничего лучше джинсового комбинезона со множеством карманов и бейсболки на голове для Тоши не существовало.

Даже Тимур не разделял ее страсть к машинам – он все больше сидел за книжками и возился с бездомными щенками, пытаясь найти им хозяев. Никто не понимал Тошу, кроме отца и деда. В механизмах все было четко отлажено, в отличие от человеческих жизней, на которые она вдоволь насмотрелась в детские годы: у этого родители пьют, того бьют, а у этих уже десяток детей на стороне… А после *того* случая она и вовсе закрылась, зарубив себе на носу: с людьми сложно. А вот с машинами легко и честно.

2

Колеся по шоссе между Плёсом и Приволжском, вдоль высоких сосен, берез и елей, тянувшихся макушками к бескрайнему небу, Тоша ощущала тот покой, какого ей иногда не хватало в родном городе. Из школьных уроков она помнила, что когда-то, еще задолго до того, как течение Волги забросило сюда пароход с художником Исааком Левитаном и его ученицей и любовницей Софьей Кувшинниковой, в Плёсе была крепость – деревянные оборонительные сооружения защищали Соборную гору. Теперь же от нее остался лишь земляной вал, и пусть сама крепость выстраивалась и сжигалась много веков назад, Тоше казалось, что точно так же Плёс потерпел поражение и в битве с современными туристами.

С каждым годом их приезжало все больше и больше – настоящее иногородне-туристическое иго, атаковавшее Плёс и по автомобильной дороге, и по водной артерии. Тоша ненавидела само слово. Ту-рис-ты. Оно скрипело на зубах, словно песок. Наверняка некоторые здешние родители пугали туристами своих детей, если те не хотели ложиться спать.

Они стремились сюда, чтобы отдохнуть от бешеного ритма столицы и других мегаполисов, и словно всасывали в себя безмятежность Плёса, оставляя Тошу ни с чем. Все в городе делалось ради них: скупались и ремонтировались старые дома, прокладывались новые дороги, открывались кофейни. Люди слетались на пропитанный стариной дух города, словно мошки на свет, и из-за большого потока гостей пришлось поставить шлагбаум – иначе бы Плёс погряз в машинах и выхлопных газах.

Жизнь стала красивой, дорогой и беспокойной. Застать Плёс в первозданном виде можно было только на рассвете, когда омытый туманом и росой город еще спал. До того как Тоша начала работать в Ивановском аэропорту, она выходила гулять в четыре утра и наслаждалась пением птиц, запахами цветов, впитывала в себя зелень деревьев и глубокую насыщенную синеву Волги.

Когда она в последний раз встречала рассвет в Плёсе? Наверное, год назад? Да, верно, именно тогда она перевелась на заочное и устроилась в аэропорт. Ей было двадцать лет.

А куда делся этот год? Что в нем было, кроме нескончаемых поездок в Иваново и обратно, учебы, которая не приносила удовольствия, забот о больном дедушке и вечных мыслей, как сэкономить деньги?

Ах да, еще же был Зверь со своим неустойчивым желудочно-кишечным трактом. Комбо!

Остались позади Приволжск и Фурманов. На заснеженном горизонте показались ивановские многоэтажки, и вскоре Тоша въехала в город. Здесь машины двигались медленно. Она попала в несколько небольших пробок, словила все красные сигналы светофора. В центре перед ней выехала учебная машина, а сразу следом – трактор. Его мигающая желтая лампочка вывела Тошу из себя.

Зазвонил телефон. Жаль, что сегодня ей менять Арину, а не лучшую подругу Ангелину – та бы не стала докапываться, почему Тоша опаздывает.

– Алло, – устало выдохнула она.

– Ну и где ты? Начало девятого! Тут пассажиров тьма, все задержано!

– Прости, Ариш. Снег, – ответила Тоша. Очередной светофор злорадно моргнул желтым и переключился на красный прямо перед ней. – В Иваново пробки. Поворачиваю на Некрасова, буду минут через двадцать!

– Ладно, – раздраженно ответила Арина. – Все прилеты перенесли в Ярославль, так что будь готова. Телефон обрывается.

Тоша застонала.

– Встречающие тоже негодуют, сама понимаешь. В ящике лежит конверт для Павла Сергеевича, утром должен зайти забрать. Кстати, сегодня было совещание по поводу юбилея аэро-

порта. Отмечать будут в последнее воскресенье марта. Всем, кто не на смене, явка строго обязательна.

– Что? – Тоша от удивления чуть не пропустила поворот. – В смысле строго обязательна?

– Так Павел Сергеевич сказал. Они уже забронировали банкетный зал в Иваново. Вечер будет в стиле первого бала Наташи Ростовой.

– Наташи… Что? – в ужасе пискнула Тоша. Она уже представляла этот кошмар: платье, каблуки, укладка волос. Алкоголь, глупые тосты за процветание аэропорта, никому не нужные почетные грамоты в дешевых рамках. У нее нет времени на всю эту ерунду. И подходящей одежды тоже.

И денег.

– Кто вообще это придумал?

– Коллективное бессознательное, – усмехнулась Арина. – Думали-думали и наконец придумали. Кто-то сказал, что авиация – это в первую очередь романтика. А романтика – это балы. А балы это… Ну ты поняла.

– Что за ерунда!

– Ничего не говори, все в шоке. Но девчонкам идея нравится. Правда, сомневаюсь, что половина из них вообще в курсе, кто такая Наташа Ростова. Стопудово думают, что это линия одежды.

– Ха, – прыснула Тоша.

– Но они уже ищут себе кавалеров и платья в пол.

– Кто бы сомневался.

– Кавалер, кстати, тоже обязателен. Нужно прийти с парой, типа, чтобы танцевать и все такое. Это два главных условия: пара и никаких мини-юбок. Вот тебе и весь бал. Слава богу, мазурку учить не надо! Или что там раньше танцевали?

Тоша грешным делом было подумала: может, уволиться к черту? Или попробовать поменяться сменами. Бал, кавалеры… Кавалеры! Слово-то какое вычурное…

Нет, танцы – это не ее. Как и кавалеры.

– Ах да, и еще, – продолжила Арина. – Лифт сломался, а новому сменному инженеру пропуск выдали уже к вечеру. Он только недавно пришел чинить. Не знаю, сколько провозится.

– Потрясающе, – прошептала Тоша. Ей уже хотелось, чтобы наступило утро.

– У меня автобус через десять минут, так что мы с тобой сегодня не пересечемся.

– Ага. Окей.

Тоша нажала отбой. Учебная машина и трактор свернули, и дорога перед ней наконец расчистилась. Тоша выехала на трассу к аэропорту, и вскоре на фоне темного неба показалось небольшое двухэтажное здание терминала.

Она припарковалась, с третьего раза захлопнула дверь и заперла «Москвич» на ключ. Подняла дворники, чтобы те за ночь не примерзли к стеклу, и ей не пришлось провозиться все утро, отдирая их ото льда. В конце концов, у нее не было на это времени – уже в девять ее будет ждать Тимур, чтобы взять машину и поехать в Иваново на учебу. Счастье, что он учился во вторую смену. Жаль только, что расписание автобусов с его графиком не совпадало – те ходили из Плёса раз в час, да и в дороге тряслись не меньше. Приходилось передавать друг другу «Москвич» как эстафетную палочку.

Терминал встретил ее духотой и гулом. Тоша протиснулась к входной группе через очередь из пассажиров и встречающих, не обращая внимания на их возмущение. Кивнула в знак приветствия ребятам на досмотре и, дождавшись, когда ее рюкзак проедет через интроскоп, помчалась к справочной.

Арины уже не было, зато у стойки толпились пассажиры. Тоша не успела бросить куртку на стул, как они накинулись на нее, словно голодные пираньи. «Почему отменили рейс 6015?», «Где регистрация на Минводы?», «А когда сядет Калининград? Как в Ярославле?», «У нас

потерялся багаж…» Подошла Маша, агент по наземным перевозкам: «Объяви, пожалуйста, опаздывающего на Питер – Сидоренко». Музыкальным сопровождением звонил рабочий телефон – по трем линиям сразу.

Тоша глубоко вздохнула, набрала полную грудь воздуха. Взгляд ее упал на заслоненную людьми елку в центре зала, которую еще не успели убрать после новогодних праздников. Украшенная серо-синими шарами, в тон корпоративному цвету аэропорта, она мигала разноцветными вспышками огней. Быстро, медленно, снова быстро. Вся Тошина жизнь была как эта гирлянда – полный комбо-набор неудач с редкими перерывами, чтобы успеть сделать вздох.

Волны

1

Лишь спустя пару часов и несколько десятков взволнованных пассажиров Тоша отнесла верхнюю одежду в кабинет на втором этаже. Своей комнаты отдыха у справочной не было, поэтому приходилось делить небольшой закуток с инженерами. Она переобулась, расправила темно-синюю форменную юбку, поправила воротник белой рубашки. Быстро глянула в зеркало – светло-русые кудряшки собраны в хвост, под глазами залегли тени. Неудивительно – денек выдался не из веселых.

Она налила стакан воды и вернулась обратно. До отправления последнего за вечер рейса оставался час, регистрация подходила к концу, и народу в зале становилось все меньше. Тоше открылся вид на сломанный лифт – в распахнутых дверях стоял парень в серо-синем служебном комбинезоне со световозвращающими полосками на спине и штанах. Он изучал панель управления, а у его ног лежал небольшой ящик с инструментами.

Со своего места Тоше было видно в профиль его сосредоточенное лицо, обрамленное короткими каштановыми волосами. Инженер держал в руках отвертку и постукивал рукояткой по подбородку.

Спустя миг он вышел, дождался, когда двери лифта закроются, и нажал на кнопку вызова. Лифт тут же раскрылся, и Тоша услышала негромкое автоматическое «первый этаж».

Она довольно хмыкнула про себя – новенький справился с поломкой быстрее, чем обычно выходило у его предшественника. Да и остальные трое сменных инженеров оставляли желать лучшего: один не брезговал пропустить стаканчик прямо на работе, у другого все вечно валилось из рук, а третий вообще не торопился решать срочные задачи, круглосуточно флиртуя с молодыми сотрудницами. Может, хоть в этот раз повезет.

Инженер развернулся, подкинув в руке отвертку, словно фокусник – волшебную палочку. Та сделала в воздухе пару кругов и приземлилась ровно в его ладонь. Это движение отчего-то вызвало в Тоше дрожь.

Она замерла. Не может быть…

Будто ощутив на себе взгляд, парень посмотрел прямо на нее. Все Тошино тело напряглось, словно почуяв опасность, но вглядеться в его лицо она не успела – на стойку с грохотом упал какой-то мужчина.

Она подскочила от неожиданности. Его глаза смотрели в одну точку, тело забилось в судорогах, и, прежде чем он съехал на пол, кто-то подхватил его сзади.

Перепуганная Тоша выбежала из-за стойки и увидела, как инженер пытается уложить мужчину на бок. Изо рта у того текла пена, лицо посинело. Сбежались пассажиры и двое ребят с досмотра – Алена и Сережа.

– На бок, на бок кладите! – командовал новенький. – Чтобы язык не запал – задохнется!

Вместе они сумели зафиксировать мужчину, и инженер придержал ему голову. Кто-то позвал врача, и долгую минуту спустя рядом с ними опустился Костя Сергеев.

– Разойдитесь!

Пассажиры лениво разбрелись, все еще поглядывая на несчастного и наблюдая за действиями медработника. Тоша отошла назад, оперлась спиной о стойку и застыла как каменное изваяние. Она отрешенно смотрела, как Костя помогает мужчине. Приступ закончился, и сейчас тот беспомощно застыл на полу терминала.

– Эй, – кто-то окликнул ее, но Тоша не отреагировала. Только когда чья-то ладонь коснулась ее плеча, она медленно перевела взгляд на парня в серо-синем комбинезоне.

– Эй, – повторил инженер, заглядывая Тоше в лицо. Глаза у него были удивительного кристально-бирюзового оттенка, словно байкальский лед. – Все нормально?

Она кивнула. Вблизи лицо инженера показалось ей смутно знакомым. Будто она когда-то видела его во сне. И взгляд, от которого побежали мурашки, словно ее обдало колючим порывом ветра. Нет, это не…

– У тебя телефон звонит, – он чуть крепче сжал ее плечо.

Звуки терминала наконец прорвались сквозь невидимую завесу, и Тоша хрипло сказала:

– Спасибо.

Пока отвечала на звонок, краем глаза заметила, что Костя вместе с инженером увели мужчину в медпункт. Она снова вспомнила его страшное выражение лица во время приступа, и тут же в памяти всплыли картинки прошлогодней давности – ей двадцать, позади очередной курс института…

В угоду родителям Тоша училась на переводчика, ведь это престижно. Языки открывают все двери! А она должна думать о будущем, подходить к вопросу учебы ответственно. Никто и слушать не хотел, чтобы Тоша, отличница, поступила в колледж на автомеханика, хотя это был единственный язык, на котором ей хотелось говорить с миром. Но родители обещали оплатить учебу в автошколе, если она поступит в Ивановский университет, и Тоша решила: ладно, в колледж еще успеется. Получить водительские права казалось в тот момент более заманчивой перспективой, да и быть белой вороной ей надоело. И она это сделала – прошла по баллам в вуз и в тот же день вместе с отцом поехала подавать документы в автошколу.

Все завертелось. Сессии, зачеты, экзамены, курсовые… Каникулы. Новые коврики и дворники в машину. Ни одного штрафа. А год назад родителям предложили выгодный контракт по работе. «Ремонт сделаем! Свозим детей на море, в конце концов!» – мечтала мама. «От такого не отказываются», – решил папа, и они уехали строить дороги в Африку. «Будешь за старшую, – крепко обняла ее мама на прощанье в аэропорту, – ты же у нас такая умница!» И Тоша осталась с дедушкой и младшим братом.

Жизнь превратилась в сказку. Сво-бо-да! Трясясь на автобусе по полтора часа, Тоша неслась домой с учебы и с ходу, захватив с кухни бутерброд, шла в гараж. Никто не мешал ей, не отвлекал, не звал домой, не тыкал, что девочке в гараже не место. Дедушка часто составлял ей компанию, поглядывая, как Тоша работает. Направлял, подсказывал, помогал.

А потом сказка закончилась.

2

Почему-то лучше всего Тоше запомнилось, что в тот день пошел первый снег. Спустившись на кухню, она с удивлением прислушалась к тишине – обычно дедушка вставал раньше всех, выходил к завтраку уже собранным на работу и включал старый магнитофон.

Тогда она заглянула к нему в комнату и обнаружила деда с перекошенным лицом на полу у кровати. Тоша впала в ступор – от дедушки веяло чем-то жутким. Он беспомощно смотрел в пустоту, руки плетьми лежали вдоль тела. Живот тяжело опускался и поднимался под тонкой майкой. Щеки впали – дедушка носил зубные протезы и, видимо, тем утром не успел их надеть. Уголок губ с одной стороны скорбно опустился вниз.

Она не придумала ничего лучше, как принести ему стакан воды. В комнату заглянул Тимур – он-то и вывел Тошу из оцепенения, поднял панику, вызвал скорую. Всполохи красно-синих огней привели ее в чувство. Она вспомнила, кто теперь в доме старший, и в голове словно включили какой-то новый режим, которого раньше там не было. Четкими отлаженными движениями она быстро собрала сумку в больницу: документы, вещи, зарядка для телефона. Заметила, как у Тимура покраснели глаза и задрожал подбородок, и дала ему кучу указаний: поменять воду Зверю, перекрыть газ, переодеться, ехать на «Москвиче» за скорой. Счастье, что Мур только-только получил водительские права – пусть лучше будет занят делом, нежели слезами и круговоротом нехороших мыслей в голове.

Деда спасли, но спустя долгие дни в больнице, восстановление речи и моторики, литры супа в термосе и килограммы апельсинов, он стал другим. Странным. Таким же молчаливым, как раньше, но по-другому. С тех пор в Тошином телефоне поселилась вереница будильников, чтобы ни о чем не забыть. Во сколько давать лекарство, во сколько делать лечебную гимнастику, когда измерять давление… Постепенно будильников становилось все больше и больше.

Мама вырвалась из Африки, провела неделю на стульчике в дедушкиной палате. С ее приездом Тоше, пусть лишь на время, но стало не так страшно. От брата толку было мало – каждый раз при взгляде на деда в его глазах блестели слезы. Мягкий, добросердечный Тимур часто помогал плёсским старичкам, но никогда еще не сталкивался с *таким*. Все старики, которых знал Тимур, более-менее сносно двигались и разговаривали.

Тоша тоже впервые столкнулась с *таким*. Но она была старшей, а значит, права распускать нюни у нее не было.

Уезжая, мама долго обнимала ее, приговаривая:

– Ты умница. Ты справишься, я верю. Ты же у меня такая взрослая. Тимур с дедушкой за тобой как за каменной стеной.

Тоше в тот момент вспомнилась Плёсская крепость. Как-то в школе их водили на экскурсию по городу. Историю Плёса она помнила смутно, но хорошо запомнила одно – крепость несколько раз разрушали, сжигали и восстанавливали. Сжигали и снова восстанавливали… А потом перестали. И от крепости ничего не осталось.

В тот момент казалось, Тоша выдержит что угодно. Она же и правда *крепкая*. Взрослая, самостоятельная. Но на деле все посыпалось как карточный домик – смыло ударной волной. Одно за другим, одно за другим. Цепная реакция – прямо как в гирлянде на елке посреди терминала, куда Тошу забросило волей судьбы после дедушкиного инсульта.

Она как завороженная смотрела на загоравшиеся друг за другом разноцветные огоньки. Словно морские волны, которые никогда не смогут нагнать друг друга. Одна за другой, одна за другой…

– Лисицына, ау! Тебе, может, нашатыря?

Кто-то щелкнул пальцами у нее перед носом. Костя улыбался сквозь светлую бороду, но в добрых серых глазах затаилось волнение.

– Фу, – фыркнула она. – Оставь эту вонючку для своих пациентов. Как тот мужчина?

– Нормально. Забрали на скорой, проверят его хорошенько.

Тоша одобрительно кивнула.

– Когда отбой? – облокотился на стойку Костя. – Вроде все разошлись.

Тоша растерянно обвела взглядом терминал. Действительно, регистрация давно закрылась, на табло вылета светился статус «идет посадка». На первом этаже осталась лишь парочка пассажиров на утренний рейс. Неплохо же ее выбило из колеи!

– Скоро, – неопределенно махнула она. – Мне тут надо еще кое-что по языкознанию доделать…

– Поспать тебе надо, Лисицына, – цокнул языком Костя. – А не всякой лабудой заниматься.

– Кто бы говорил! Сам не спишь сутками.

– А ты на ус наматывай! Зря старших не слушаешь, ой зря, – покачал тот головой.

– Где ты тут старших нашел? – усмехнулась Тоша. Она встала и перегнулась через стойку, кивнув на его ноги. – Старшие разве носят мультяшных персонажей на обуви?

Костины кроксы были украшены желтыми миньонами, собачками из «Щенячьего патруля» и Hello Kitty – между сутками в аэропорту и работой фельдшером на скорой помощи он вел прием в детской поликлинике. Закатив глаза, он мягко оттолкнул Тошу.

– Как, по-твоему, я должен уговорить ребенка открыть рот и сказать «а-а-а»?

– Константин! – притворно ахнула она. – Да вы шантажист!

– Некоторые дети трясутся как осиновый лист при виде обычного фонендоскопа, – оправдывался тот. – Совсем как ты!

Тоша сжала губы и демонстративно достала из рюкзака учебник по языкознанию. До дедушкиного инсульта ей не приходилось сталкиваться с чем-то более серьезным, чем простуда или сбитые об асфальт коленки. Почему она с тех пор впадала в оцепенение при виде кого-то, кому немедленно требовалась помощь, Тоша не знала. Страх просто сковывал ее по рукам и ногам.

– Ладно-ладно, – Костя мирно поднял руки. – Намек понят. Надумаешь спать, приходи. Ключ у тебя есть.

– Ага, чтобы потом весь терминал опять жужжал, что у нас с тобой шуры-муры, а я разрушаю семью лучшей подруги, – буркнула Тоша. – Нет уж, спасибо! Я с женатиками не вожусь.

– Лисицына, ну ты и зануда, – вздохнул он. – Тебе не все равно, что они там болтают? Это же аэропорт! Здесь чихнул, там скажут, что обосра…

– Мне не все равно, – перебила его Тоша. – В прошлый раз, когда я от тебя вышла в четыре утра, Криволапенко до самой регистрации донимала меня расспросами с этой своей хитрой ухмылочкой!

– Она просто на меня запала, вот и завидует. Кстати, ты уже в курсе юбилейного корпоратива?

– Давай не будем об этом, – закатила глаза Тоша.

Костя засмеялся и махнул ей:

– Ладно, пойду я, – он уже отошел от стойки справочной, когда обернулся и крикнул: – Кстати, у меня с собой Ангелинкины пирожки!

Тоша чуть ли не зарычала от досады. Знает ее слабые места! Она схватила подвернувшуюся под руку шапку и со всего маха бросила в Костю. Тот поймал ее на лету и развел руками:

– Ну все, попалась!

Нахлобучив на свою стриженную под ежик голову сиреневую шапку с пушистым меховым помпоном, он как ни в чем не бывало ушел в сторону медпункта.

– Тебе идет! – хихикнула вдогонку Тоша.

Несмотря на большую разницу в возрасте, Костя всегда мог поднять ей настроение и вывести из коматозного состояния. Ее не покидало ощущение, что она знала его всю жизнь, хоть и познакомились они всего год назад, когда Тоша пришла в аэропорт – после инсульта дед работать уже не мог. Пенсия оказалась скромной, а у родителей не все так радужно сложилось с африканским контрактом – платили нерегулярно. Тоше с Тимуром надо было на что-то жить, оплачивать его занятия по вождению и покупать дедушке лекарства. Слава богу, хотя бы с автошколой они разобрались.

В аэропорт ее привела лучшая подруга детства и по совместительству Костина жена, Ангелина Сергеева. Раньше они с Тошей жили на соседних улицах. Лина была единственной девочкой, которая не считала Тошу странной и не боялась заступаться за нее перед Тем-кого-нельзя-вспоминать с его дружками. С Линой было легко и весело, несмотря на то что она была на пару лет старше. Они продолжали общаться, даже когда ее семья переехала в Иваново. А теперь пересекались в терминале, сменяя друг друга за стойкой справочной.

Работа в аэропорту Тоше нравилась. Терминал напоминал ей огромный механизм, где каждый сотрудник занимал свое определенное место, был незаменимой деталью, шестеренкой, без которой не закрутится громадное колесо авиаузла. Тоше нравилось чувствовать себя нужной. За стойкой справочной ей был виден весь зал регистрации, вход и выход, лифт, лестница и кафе. Мимо нее никто не мог проскочить незамеченным. Она первая узнавала самое важное: о задержке рейса или технической проблеме на борту, о каком-нибудь инциденте в зоне вылета или о поломке багажной ленты, не упоминая уже количество сплетен, проходящих через ее уши.

Конечно, пассажиры и встречающие попадались разные: иногда кто-то ругал справочную на чем свет стоит, будто именно Тоша была виновата в том, что посадка на рейс закончилась, а человек опоздал. В таких случаях было сложно донести до людей, что самолет – не такси, и его невозможно задержать или развернуть. Такие ситуации Тоша пыталась принимать спокойно, хотя нервы иногда сдавали. Но работа делала свое дело: она постепенно обрастала невидимой, непробиваемой броней, возводила вокруг себя стены, которые защищали ее от оскорблений пассажиров. Каждую смену она училась быть стойкой и терпеливой.

А вот коллектив в Тошиных сменах собрался дружелюбный, и в отличие от ее факультета, на котором преимущественно учились одни девчонки, в аэропорту у нее появилось много приятелей-парней. Стоило им узнать ее страсть к машинам, как она словно автоматически зачислялась в круг «своих». Она научилась флиртовать и кокетничать, а еще – получать удовольствие от комплиментов, которые поначалу вызывали у нее подозрения. Тоша находила общий язык и с сотрудниками постарше, с удивлением обнаружив, что ей нравится общаться не только с машинами, но и с людьми.

Рейсов было немного – летали в Сочи, Санкт-Петербург, Минеральные Воды и Калининград. После отправки последнего за день борта аэровокзал погружался в спячку. Основное освещение в зале регистрации выключали, а единственный магазинчик с прессой и сувенирами закрывался – ночью работало лишь маленькое кафе в дальнем углу зала, и немногие пассажиры, которые приезжали заранее на утренние рейсы, оставались один на один с персоналом аэропорта.

Гулкая тишина терминала, разбавленная редкими информационными сообщениями по громкой связи, снующими туда-сюда охранниками да смехом ребят на входной группе, была для Тоши как бальзам на душу. Ночью у нее появлялось время на себя.

Она открыла учебник по языкознанию. На этой неделе надо было сдать реферат, закрыть долги по семестру. Но буквы расплывались, а слова складывались в какую-то абракадабру. Организм, кажется, понял, что наконец-то у него выдалась свободная минутка, и взбунтовал против учебы. Куда еще-то?

Пока она сегодня готовила обед, дед незаметно улизнул из дома. Позвонила соседка, сказала, что видела его у речки Шохонки, недалеко от «утлых лав». Тоша кинулась следом, слава богу, догнала у самого берега. Дед так и ушел в домашней одежде, еще поругал Тошу за то, что всех гусей растеряла, а ему пришлось их искать. Тоша не стала уточнять, что уже лет десять как они не держат ни гусей, ни кур, ни кого бы то ни было еще. Она привела деда домой, и пока заваривала горячий чай и ставила вариться гречку, Зверь с виноватым взглядом навалил грандиозную кучу у входной двери – не дотерпел до прогулки. Тоша убирала за псом и недобро поглядывала на него, угрожая, что выгонит жить во двор – в шутку, конечно, но терпение у нее не резиновое. Пес поскуливал и отводил взгляд, словно говоря: «Ну ты же знаешь, как я люблю делать подкопы и убегать… Тебе оно надо?» Закончив с собакой, обнаружила, что у нее подгорела каша. Пришлось отмывать кастрюлю металлической губкой – в итоге поранила палец.

Поспать днем толком и не успела, так что ничего удивительного, что сейчас в глаза будто песок насыпали. Тоша вспомнила, какое удобное кресло-кровать у Кости в медпункте… Какая разница, что про них будет болтать Криволапенко?

Она резко захлопнула учебник и убрала его в рюкзак. Спать! Вот, что ей сейчас нужно. Хотя бы на часик прикрыть глаза в свой законный перерыв.

На стойку упала тень, и Тоша вздрогнула от неожиданности.

– Вот так встреча, Антонина Лисицына.

Она подняла голову – перед ней стоял инженер. На его губах плясала таинственная улыбка, в светлых глазах притаились чертики. Он разглядывал Тошу с интересом и каким-то скрытым вызовом.

Она моргнула. В груди неприятно кольнуло, по спине побежали уже знакомые за вечер мурашки.

Ее имя он мог прочитать и на пропуске – тот белым прямоугольником висел у Тоши под воротником рубашки. Но произнес его так, будто всегда знал.

И Тоша знала, что он знает.

Ведь сразу поняла, в самый первый миг – по движению рук, по взгляду, по голосу.

Ей десять лет. Мур слег с ангиной, и родители отпустили ее в магазин за конфетами, чтобы порадовать брата. Конец октября выдался теплый, солнечный, погулять – одно удовольствие. В кармане куртки приятная тяжесть – дедушкин подарочный мультитул, с которым она не расставалась со дня рождения. Ее талисман.

– Антонина, Антонина! – доносится сзади знакомый голос, лениво тянущий гласные, отчего Тошино сердце застревает в груди. – Шнобель, как у Буратино!

Она оборачивается и видит трех мальчишек. Все ее внимание занимает тот, что в центре, в линялом черном спортивном костюме под распахнутой курткой. Каштановые волосы растрепаны, в светлых глазах плещется злорадство и предвкушение. В руке зажат длинный прут. Весь его вид словно кричит: «Сейчас повеселимся».

Клим Морев.

У Тоши скручиваются внутренности. Она отворачивается, идет дальше, прячет руки в карманы. Нащупывает мультитул и крепко-крепко сжимает.

Все будет хорошо.

– Мелкая, ты оглохла? Машинное масло в уши залилось?

Мальчишки гогочут. Клим замахивается прутом и подсекает Тошу. Даже сквозь ткань джинсов ее ноги ошпаривает болью. Она морщится, но изо всех сил держится прямо, идет вперед.

Клим подлетает сзади, хватает ее за капюшон, разворачивает к себе и шипит Тоше в лицо:

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

В его дыхании – шоколад и арбузная жвачка. Этот аромат никак не вяжется с запахом сигарет, которым пропитана его одежда.

– А то что? – цедит Тоша сквозь зубы. – Папа зад надерет, что тебя девчонка не слушается?

Клима перекашивает от злости. Он дергает Тошу за воротник куртки, ее светлый хвостик жалко подпрыгивает. С нее станется подраться с мальчишками, но перед Климом она словно каменеет. Полный паралич тела и мозга – парадокс, но она боится его больше, чем Морева-старшего.

– Братан, берегись, у нее отвертка! – кричит один из парней.

Клим и Тоша одновременно переводят взгляд вниз, на ее руку. Она и не заметила, как выудила из кармана мультитул. Пальцы сжимают наконечник маленькой отвертки.

– Ах ты, жучка! – шепчет ей на ухо Клим, прижимает к себе и давит ей на ладонь. – Опять исподтишка?

– Пусти! – вскрикивает Тоша. – Больно!

И Клим отталкивает ее. Тоша падает, упирается в асфальт руками.

Мультитула у нее больше нет.

– Отдай, – шепчет она Климу. Тот подбрасывает вещицу в воздух, ловко подхватывает ее рукой. – Пожалуйста!

– А то что? – передразнивает он Тошу.

Она встает, кидается на него, но Клим снова ее толкает. Ему двенадцать, он выше и сильнее. Отбиться от девчонки не составляет труда.

Ведь она – не его отец.

– Пожалуйста! – у Тоши на глаза наворачиваются слезы. – Это дедушка подарил…

– Слышали, пацаны?

Мальчишки переглядываются друг с другом и ржут как кони. Клим восклицает тоненьким голосом:

– Дедушка подарил!

Тоша его ненавидит.

Она смотрит в холодные глаза Клима, пытаясь узнать того мальчишку, которого совсем недавно видела во дворе его дома. Почему он так с ней? Ведь тогда она пыталась помочь… Она была на его стороне!

– Пошли отсюда, – командует ребятам Клим, в последний раз подбрасывает мультитул и прячет в карман.

Они уходят, а Тоша так и кричит ему в спину:

– Клим! Пожалуйста!

Один за другим

1

ТОША: Ты уже проснулась? Приезжай как можно скорее!

ЛИНА СЕРГЕЕВА: Что-то случилось?

ТОША: Расскажу на месте.

Тоша все еще не верила, что столкнулась с Климом – подумать только, с Климом! – спустя столько лет. Ее детский кошмар, мальчишка, не дававший проходу ни на улицах, ни в школе, ни даже в собственных Тошиных мыслях.

Ее первая любовь.

И пусть ей было всего шесть! Мама всегда говорила, что любви все возрасты покорны. Красивый, с этой таинственной полуулыбкой, он просто не мог не запасть Тоше в душу. Засыпая, она смаковала его фамилию – Морев. Мо-рев. Как море. И глаза у него были такие же – сине-зеленые, как теплые морские волны…

А оказалось – как лед.

Сколько лет она не произносила его имя даже про себя? Изо всех сил старалась ненароком не вспомнить – держалась подальше от Мельничной улицы, перестала поддерживать связь со всеми, кто еще помнил Клима. Даже удалилась из соцсетей – чтобы не было соблазна его где-нибудь погуглить. Избегала любых разговоров о море, хотя ей так хотелось там побывать… В их доме не было ни одной картинки с морскими пейзажами. Как не было больше ни одного мультитула.

– Рассказывай! – темноволосая кучерявая Ангелина словно вихрь забежала за стойку и обняла разговаривающую по телефону Тошу.

Ту окутало облако нежного аромата ее духов, и от одного лишь присутствия подруги на душе стало спокойнее.

Она положила трубку и повернулась к Лине. В ушах у той болтались серьги с самоцветами, на руке сверкал такой же браслет – визитная карточка Ангелины, которая в свободное время увлекалась ювелирным делом, пойдя по стопам родителей. Как хорошо, что у них есть время поболтать – утро выдалось тихим. Снег закончился, рейсы отправлялись и прибывали по расписанию.

– Он вернулся, – сказала Тоша.

– Кто? Говоришь, как о Волан-де-Морте, – усмехнулась Лина, стаскивая с шеи шарфик.

– Так и есть! Здесь Морев!

Ангелина застыла с наполовину снятым пальто. Ореховые глаза широко распахнулись.

– Клим?

Тоша кивнула и задумалась, как подруга воспримет эту новость. Лина всегда божилась, что если только повстречает Клима на улице, вмажет ему по полной.

Ведь когда-то они были друзьями.

День рождения у Ангелины рядом с Тошиным, в середине августа. Днем еще жарко, но вечером в воздухе чувствуется дыхание осени. Природа увядает, готовясь к долгому сну, и кажется, будто взрослые пытаются всеми силами ухватить летнее тепло, задержать его еще на некоторое время.

Двор родителей Лины окутан ароматом копченой рыбы. Радио тихонько бормочет песни. Клумбы пестрят астрами, ветви яблонь тянутся к земле под весом налившихся плодов. Тоша сидит на ступеньках крыльца, подмяв подол неудобного василькового платья, и

рисует палочкой узоры на песке. Она любит Ангелину, но сейчас ей скучно – она чувствует себя несмышленой восьмилеткой среди ребят постарше, которые пришли к подруге на праздник.

Правда, она не самая мелкая – Тимур тоже здесь, но он целиком и полностью поглощен игрой с Линкиным щенком и подсыпанием зерна в скворечник, весь день окруженный стайкой воробьев. В отличие от Тоши, ее младший брат прекрасно проводит время.

Вот если бы у нее с собой был мобильник, можно было бы хоть поиграть в «змейку», но мама строго-настрого запрещает Тоше брать телефон в гости к Лине. «Нечего в этих ваших гаджетах зависать, живое общение ничто не заменит», – говорит она каждый раз, уперев руки в бока.

И Тоша не против, потому что, когда они проводят время вдвоем с Линой, им действительно весело. Они прыгают на кровати, записывают друг друга на диктофон, играют в прятки или, сгорбившись, катаются на старом трехколесном велосипеде, как на самокате – у обеих ноги уже не помещаются, чтобы крутить педали, не утыкаясь коленками в руль. Обычно она даже не вспоминает про мобильник. Но сейчас недобро косится в сторону подруги и ребят, кучкой нависших над новехоньким телефоном в Лининых руках. Это одна из последних моделей – такого ни у кого из них нет, и Ангелина, судя по восторженному выражению лица, чувствует себя королевой.

Родители, поглощенные своим живым общением, толпятся у мангала, и даже Тошина мама не обращает внимания на вредный гаджет в руках детей. Но Тоше вдвойне обидно не по той причине, что она не может заглянуть в Линкин телефон (видите ли, уровень в игре слишком сложный), а потому что среди гостей – Клим.

Конечно, Тоша знала, что он придет, ведь Клим с Линой сидят за одной партой и дружат с первого класса. Иногда она завидует подруге до скрипа в зубах! Вот бы Тоша была на два года старше… Тогда она бы сама училась вместе с Климом и, может быть, даже сидела с ним за одной партой.

Но она для него мелкая третьеклашка, которая мешается под рукой – иначе как еще объяснить его вездесущий недовольный взгляд? От него у Тоши жжет место сзади на шее, там, где заканчивают расти волосы. Клим смотрит на нее весь вечер, и она чувствует себя не в своей тарелке.

– …у Моревых, – вдруг слышит она заветную фамилию и обращает весь слух к мангалу, где болтают родители.

– Да, мальчику с таким отцом не позавидуешь, – вздыхает Тошина мама.

– Он совсем спился. Кто бы мог подумать, что так обернется… А какой человек был, какой плотник!

– Человек… Людку как затравил, – цокает языком мама одного из Линкиных друзей. – Та уже из дома боится выходить. До магазина и обратно. Смотреть страшно… А такая красавица была.

– Людка сама виновата. Она что, слепая? – это уже возмущается Тошин папа. – Не могла дать ему отпор?

– На словах все храбрые, а на деле не так-то это и просто. Куда ей с Климом идти? Одна не потянет… Говорят, тоже стала по стаканчику пропускать.

Тоша не понимает, что они имеют в виду, но от разговора будто дурно пахнет. Она встает, рассеянно поправляя подол дурацкого платья, и стирает ботинком свои песочные рисунки.

– Линка ему в школу обед носит – я ей говорю, друзьям надо помогать. Клим-то нормальный пацан, безалаберный только. Никто за ним не следит, вот он и в драки лезет, и по улицам шатается. Но Лина ему спуску не дает, – смеется мама Ангелины.

Тоша бросает взгляд на подругу – она над чем-то хохочет с Климом и шутливо пихает его в плечо. Тот поднимает руки, будто сдается. Поворачивает голову и смотрит на Тошу.

Его лицо озаряет улыбка, и Тоша гадает, кому она предназначена – все еще Лине или уже ей?

Она смущенно отворачивается. Лучше бы мама разрешила ей взять с собой телефон.

Тоша уже собралась рассказать о вечерних событиях, как у нее зазвонил мобильный.

– Да, Мур?

– Можешь приехать раньше? Со Зверем что-то… Мне кажется, ему надо к ветеринару!

У Тоши внутри все заледенело.

– Что с ним?

– Да сам не свой! Вялый, ничего не ел вечером, а сейчас не встает на задние лапы. Я бы вызвал такси, но…

– Не надо, я еду, – не дослушав брата, она кинула трубку и вскочила на ноги. – Сменишь меня пораньше? – обратилась уже к Ангелине. – Зверюге плохо.

– Без проблем. Напиши мне!

Она впопыхах обняла подругу, радуясь, что Лина не из тех людей, кто говорит: «Это же всего лишь собака, не парься».

Тоша помчалась наверх за одеждой, стараясь не думать, во сколько обойдется поездка в ветклинику. «Не встает на задние лапы» звучало страшно. И дорого. А ей бы еще на заправку заехать. Да и корм у Зверя заканчивался, а зарплата только на следующей неделе…

Она накинула куртку, схватила шарф, долго искала шапку. Потом вспомнила, что та осталась у Кости. Заходить к нему времени не было.

Что-то бросилось ей в глаза на рабочем столе, и она с удивлением уставилась на бордовую обложку книги: «Чехов А.П.» Из томика выглядывала закладка – сложенный пополам фантик от конфеты. Тоша даже застыла на миг, позабыв о сборах. Никогда раньше она не замечала на усеянной инструментами, огрызками термоусадок и перегоревшими лампочками поверхности стола чего-то настолько выбивающегося из общего вороха инженерного хлама, как книга. Художественная.

Значит, это Клима? Он что, читает? Читает *классику*?

Она прикрыла рот, только сейчас заметив, что все это время он был открыт. В общем-то, это не ее дело – Клим может читать что угодно, хоть Камасутру, хоть «Введение в психоанализ» Фрейда. Правда, Клим был последним человеком, которого она могла представить с книгой в руках.

Нет, не последним. Она *вообще* не могла представить его с книгой в руках.

Тоша провела по обложке пальцем, будто проверяя, не приснился ли ей бордовый томик. Всполошившись, что тратит драгоценное время на ерунду, повязала на шею шарф, распахнула дверь и в кого-то врезалась.

Мельком заметила световозвращающие полоски на штанинах комбинезона. Ну конечно! Она же не могла столкнуться с кем-то другим!

Клим подпрыгнул на месте и зашипел от боли – в руке у него был стаканчик с кофе, и горячий напиток выплеснулся на живот.

– Блин, Лисицына!

Тоша хотела извиниться, но сжала губы. «Так тебе и надо», – пронеслось у нее в голове. Она смерила его взглядом и выбежала из кабинета.

За рулем «Москвича» Тоша почувствовала себя спокойнее и увереннее. Она на удивление без проблем проехала Иваново и рванула к Плёсу, решив не тратить время на заправку – добраться до ветеринара в Приволжск бензина хватит. Сейчас главное – помочь Зверю. Не дай бог с ним что-то серьезное…

Пес появился в их жизни случайно. Какой-то чудак-пассажир улетал из аэропорта и не оформил документы на собаку. Он просто оставил ее у терминала привязанной к фонарному столбу под проливным дождем. Охранник привел дрожащего от холода пса к справочной

«пересидеть ночь». Ребята с досмотра пытались на скорую руку найти ему передержку или новых хозяев, но взять себе такую громадину никто не решался. Пес был красивый, ласковый, с добрыми глазами, но огромный и лохматый, как йети. Леонбергер – Тоша нашла в интернете, как называется порода. Утром, когда она уходила, тот пошел за ней, как будто по-другому и быть не могло. А ведь они с Муром всегда мечтали о собаке. Тоша, не дав себе опомниться и задуматься, где брать деньги на содержание этакой махины, тихонько свистнула и сказала:

– Ну, что, зверюга… Пойдем посмотрим, что у нас дома вкусненького?

Когда она подъехала, Тимур уже стоял у калитки. Зверь лежал у его ног на коврике. Видимо, брат волоком вытащил собаку из дома прямо на лежанке. Тоша вылезла из «Москвича», и вместе они кое-как подняли шестидесятикилограммового питомца и устроили на заднем сиденье.

– Вот так… – огладив пса по спине, пробормотал Тимур. Он был такой бледный, будто лицо вылепили из снега, и казался сейчас потерянным маленьким мальчиком. У Тоши при виде него обливалось кровью сердце.

– Ну что с тобой, дружочек? – она перевела взгляд на пса, обняла руками его голову и умоляюще заглянула в печальные глаза. – Держись, Звереныш…

– Скинешь денег? – спросил Тимур, усаживаясь за руль.

– Ладно. Позвони мне! – Тоша закрыла дверь и послала брату воздушный поцелуй.

«Москвич» скрылся за Никольской часовней. Тоша постояла какое-то время, пытаясь унять в голове эхо Тимурова вопроса. «Скинешь денег? Денег… Денег…» Ну и откуда ей их взять? У нее осталось лишь на продукты, но теперь, кажется, им придется еще неделю посидеть на гречке.

Она вздохнула и в поисках поддержки перевела взгляд на дом. Каждый раз, возвращаясь с работы, Тоша наслаждалась исходившей от него особенной утренней тишиной и умиротворенностью. Их старая двухэтажная изба, выкрашенная в коричневый цвет, смотрела на Тошу тремя окнами с белыми потрескавшимися наличниками, словно приглашая на уютное чаепитие.

Ее воображение тут же подкинуло картинку: они с Тимуром приходят со школы, видят в кухонном окне маму. Она дома – до устройства на работу бухгалтером еще несколько лет. Она поглядывает на улицу, чуть отодвинув в сторону край кружевного тюля, и машет им рукой.

Тоша слышит гогот бегающих по двору гусей, нежное мяуканье кота Маркиза и свист закипающего на плите чайника. По дому разносится аромат свежеиспеченной кулейки – творожного пирога из рассыпчатого теста, а на столе ждет горшочек с густой сметаной. На обед с работы приходят отец и дедушка – тот кладет на Тошину макушку руку и подмигивает: «Увидимся вечером в гараже».

В их доме выросло несколько поколений Лисицыных. Теперь это ее задача – готовить, убирать, хозяйничать. Не было ни мамы с ее причитаниями, что Тоша опять запачкала футболку, ни ласкового взгляда отца, брошенного из-под очков, ни дедушкиного «вечером в гараже». Не погонять больше гусей, не погладить Маркиза. За старшую осталась одна Тоша.

Она поддерживала дом, а он – ее, она знала. Он был Тошиным оплотом, надежной крепостью. В его деревянных стенах, сложенных из бревен и обитых доской, чувствовалось тепло. Изба каждый раз будто распахивала объятия, стоило Тоше пересечь порог. Многое в ней требовало ремонта, несмотря на то что папа и дедушка каждый год латали ее то там, то тут, а мама вселяла уют, украшая окна воздушными занавесками и закрывая щели в полах пушистыми коврами. Но нигде больше в целом мире Тоше не было так хорошо, как дома.

На ватных ногах она поднялась на крыльцо, заперла за собой входную дверь. Несколько раз подергала ее – точно ли дед не откроет? Тот как раз прошаркал из ванной к себе в комнату и уставился на внучку.

– Ты кто? – спросил он.

К горлу подступил комок. Маленькие странности в дедушкином поведении они заметили еще до инсульта. Во внимание не брали, отмахивались – мол, старческие причуды. Подумаешь, забыл, о чем спрашивал десять минут назад. Просто из головы вылетело. Путал имена? С кем не бывает.

Потом он начал обвинять Тимура, что тот ворует у него полотенца. Тоша насторожилась: Мур и воровство были так же далеки друг от друга, как она и любовь к платьям. Да и… Полотенца?

А на одном из плановых приемов у невропатолога все прояснилось. Это были не причуды. Это была болезнь.

Деменция.

Врач долго разговаривал с Тошей, объяснял, что это приобретенное слабоумие, нарушение когнитивных функций мозга. Рассказал, чего стоит ждать и к чему готовиться. Сразу сказал: лекарства нет.

Дома она надолго зависла в интернете, изучила кучу статей, забрела на форумы и начиталась всяких кошмаров. Зло захлопнула ноутбук, будто тот был повинен во всех ее бедах, и расплакалась.

Не считая помешанности на полотенцах, дед вел себя мирно. Правда, иногда спорил на ровном месте и начинал громко ругаться – его настроение могло меняться со скоростью света. Теперь, когда Тоша знала, в чем дело, симптомы, которые раньше они принимали за дедушкину чудаковатость, стали явными и вселяли в нее ужас. Его личность непоправимо разрушалась, и Тошу убивала собственная беспомощность. Дедушка – не машина. Починить или заменить какую-то деталь в его голове было невозможно.

Самым важным «лекарством» невропатолог выписал общение, и Тоша с Тимуром с готовностью выполняли предписания. В хорошие дни, когда дедушка еще понимал, что происходит, где он и кто он, они гуляли, ездили по магазинам, болтали про аэропорт и машины. Пили чай, ели черный хлеб с селедкой, которую дед так любил. А потом словно кто-то переключал тумблер, и он снова обвинял Тимура в воровстве, а Тошу не узнавал.

Как сейчас.

– Маруся, ты что ли? Что за куртка на тебе такая?

– Да купила вот, – натянуто улыбнулась Тоша. Вспомнила главный совет врача: не спорить, не волновать, принимать все, что дед говорит. – Правда, красивая? Ну, пойдем завтракать.

Что ж, сегодня она – своя же мама. Маруся.

Она разделась, взяла деда под руку и повела на кухню. Пока готовила омлет, болтала о всякой чепухе – лишь бы не заплакать. Дедушка хмурил свои косматые седые брови и смотрел в одну точку.

2

– В общем, все обошлось, – в голосе брата слышалось облегчение. – Он где-то сожрал колбасу в заводской пленке, та застряла внутри, вот и болело так сильно, что даже ходить не мог! Ощупали всего, грешили на спину, уже повели на рентген. Врач с помощником затащили на стол, и его там вывернуло, представляешь? – Тоша улыбалась, слушая смех Тимура в трубке. – Эта пленка и вылезла. Он сразу деру с этого стола! Как ни в чем не бывало! Ну, пришлось оттирать там все, конечно… Зато взяли только за прием. Слава богу, не успели рентген сделать!

– Отлично, – ответила Тоша.

Она устроилась на постели в своей комнате на втором этаже. Стены здесь сужались к потолку, чем создавали особенно уютное настроение. Комод с одеждой громоздился напротив кровати, там же стояли и полки с учебниками и всякой всячиной: виднелись яркие бока коробок со старыми CD с записью выпусков «Топ Гир», стопками лежали книги, болтались какие-то огрызки проволоки, крючки для штор и пилочка для ногтей. На стене справа висели фотографии родителей, дедушки и бабушки, которую Тоша живой уже не застала, и ее собственное изображение, на котором она, одиннадцатилетняя, обнимала Ангелину. На письменном столе у окна чернел приоткрытый ноутбук, рядом лежала кучка тетрадей, исписанных английскими словами и сложными лингвистическими терминами. Из приоткрытой форточки доносились звуки города, редкий шум автомобилей; где-то недалеко по дереву размеренно стучал дятел. Тук, тук, тук.

По Тошиному телу разлилась усталость, пушистое покрывало нежно укутало ее теплом. Волнение ушло, и мысли потекли свободным ленивым потоком. Дедушка внизу дремал под тихий лепет телевизора, со Зверем все оказалось в порядке, и Тимур был счастлив. А Клим… Возможно, он вообще ей просто померещился? День вчера выдался такой суматошный…

– Жду вас, – успела она сказать перед тем, как сон ее окончательно сморил.

Ей снится лето. Небо такое лазурное и радостное, что у Тоши на душе легко-легко. Она – как облачко. Зелень травы блестит под солнечными лучами, пружинит под ее старыми чумазыми кроссовками. Машина, голубая и оттого будто воздушная, стоит во дворе и смотрит на Тошу круглыми фарами.

Дед учит ее менять моторное масло в «Москвиче» – для этого надо подобраться машине под брюхо. Удобного подкатного лежака для ремонта у них нет, и дед подкладывает под машину большой кусок картона, складывает на нем инструменты и ставит небольшой тазик. Сам он в легкой рубашке с закатанными по локоть рукавами, на ногах – старые, в пятнах, брюки. Ремень обхватывает его худое поджарое тело. Он опускается на колени, устраивается на картонке и забирается под «Москвич».

– Давай сюда, Нинок!

Дед – единственный в семье, кто зовет ее Ниной. Сам он Лев Антонович, а жену, Тошину бабушку, звали Антонина Львовна. Такой получился у них каламбур, и Тоша словно объединила в своем имени несколько поколений. Сама она – Антонина Антоновна.

Тоша залезает под машину следом за дедом, устраивается с ним рядом. Смотрит, как он откручивает сливную пробку, подставляет тазик под струю черной жижи. Прогорклый запах старого масла смешивается в ее носу с дедушкиным одеколоном, по́том и отдаленным, витающим в воздухе ароматом цветов.

Тоша внимательно слушает деда, наблюдает за движениями его мозолистых рук.

Из дома доносится мамин крик:

– Папа! Тоша! Идите обедать!

В этих звуках и запахах – само счастье.

Тоша резко открыла глаза. На губах застыла улыбка, по щекам бежали дорожки слез. Все-таки расплакалась.

Она вытерла рукой лицо и прислушалась. За окном тоже кто-то кричал, видимо, поэтому она и проснулась. Слов разобрать не смогла, но узнала рассерженный голос Тимура.

Тоша встала, спустилась на первый этаж, заглянула в комнату к деду. Тот заснул, сидя в кресле, голова свесилась набок. Она укрыла его колени пледом, а сама тихонько пробралась в прихожую. Зверь храпел на своем коврике у двери, его огромные лапы подрагивали во сне. Она потрепала собаку за ухом, но тот даже не пошевелился. Видимо, ему тоже снился хороший сон. Тоша влезла в мамины валенки, в которых обычно чистила снег во дворе, и, прихватив куртку, вышла на улицу.

Подгоняемые ветром тяжелые облака быстро неслись по небу, сквозь них упрямо пробивалось солнце. По двору мелькали тени – светло, темно, светло, темно. Будто ночь быстро сменялась днем. «Москвича» видно не было – значит, Тимур загнал машину в гараж. Точно – у Тоши же выходные, а у Мура с завтрашнего дня, наконец, каникулы.

Сверху что-то заскрежетало, посыпался снег. Пригнувшись, она быстро выбежала во двор, отошла на пару шагов и глянула на пологую крышу веранды. Наверху Тимур чистил снег.

– Я тебя разбудил? – крикнул он, заметив сестру.

– Нет, – отмахнулась Тоша. – А с кем ты говорил?

– Забирайся, расскажу!

Тоша поднялась по приставленной к дому лестнице, осторожно ступила на крышу. Тимур поддержал ее под локоть, отложил лопату и подвинул к ним разбухшую от влаги деревянную доску, чтобы сидеть было не холодно.

– Чай хочешь? – спросил он, достав из кармана термос и устроившись рядом с Тошей. – С облепихой. Как ты любишь.

– Давай.

Горячая терпкая жидкость обожгла губы, но Тоша с удовольствием сделала пару глотков. Несмотря на резкий ветер стало легко и уютно. Она положила голову брату на плечо и спросила, вернув ему термос:

– На зачет сегодня не успел?

Тимур отмахнулся.

– Сдам потом. Не переживай.

Тимур учился там же, где и Тоша – в Ивановском университете, на обычного менеджера. Долго не мог определиться, кем бы хотел стать, и выбрал эту специальность просто ради диплома. «Менеджер – универсальный солдат», – любил приговаривать он, когда родители попрекали Мура неясным будущим. Тоша ему слегка завидовала – лучше вообще не знать, чем хочешь заниматься по жизни, чем знать и учиться на другое.

– Помнишь, как мы забирались сюда в детстве? – приобнял ее Тимур.

Тоша прыснула. Они занимали две мансардные комнаты и раньше частенько вылезали из окна и по козырьку пробирались на плоскую крышу веранды. Это было их секретное место, где они считали звезды и делились тайнами и мечтами. Единственным, о чем она никогда не рассказывала ни одной живой душе, кроме Лины, были ее чувства к Климу. Подобно древней крепости Плёса, она выстроила вокруг них стены, держала взаперти и любовь, и ненависть.

– Конечно, – прошептала Тоша.

– Ты все хотела стать автомехаником. А сейчас хочешь? – с серьезным выражением лица спросил Тимур.

Она удивилась неожиданному вопросу и повторила:

– Конечно.

– И что бы ты делала потом? После учебы?

Тоша ответила без промедления, будто всю жизнь знала, для чего она родилась:

– Открыла бы в Плёсе автосервис. У нас тут ни одного нет…

– Думаешь, Градсовет одобрил бы? Они за строительством домов-то вон как следят, чтобы фасады в общий стиль вливались.

Тоша вздохнула, отобрав у Тимура термос, и с наслаждением сделала еще пару глотков. Она и сама гадала над этим вопросом, но, как говорится, было бы желание. И вообще – мечтать не вредно.

– Надо будет – сделаю хоть в виде конюшни, – уверенно сказала она. – Чтобы как в XIX веке, только для железных коней. И вывеску в том же стиле – с твердым знаком на конце.

Тимур засмеялся, крепче обнял сестру.

– Уверен, у тебя получилась бы отличная конюшня.

– Ага. И жуть какая дорогая.

Они какое-то время помолчали – обоим не хотелось обсуждать деньги. Тоша спросила:

– Так с кем ты ругался?

– А, это… – стушевался Тимур. Он определенно хотел улизнуть от ответа, но под взглядом сестры сдался: – В общем, Кириллина приходила. Опять про дом спрашивала.

Тоша застонала и невольно бросила взгляд на соседнюю лощеную избу. Свежевыкрашенные наличники, ажурные водостоки, добротная крыша. Терраса украшена гирляндами, огни горят даже днем. Сменяются попарно – желто-красные, сине-зеленые. Солнце – звезды, день – ночь. То одно, то другое…

Это один из многих гостиничных домов, раскиданных по Плёсу. Большинство из них – в коллекции Анфисы Кириллиной, местной предпринимательницы. Тоша ее на дух не переносила – та задешево скупала у пожилых людей дома, на скорую руку делала бюджетный ремонт внутри и селила туристов, чтобы они за конский ценник могли проникнуться духом левитановского Плёса и атмосферой XIX века.

На их дом Кириллина зарилась давно, еще когда родители были в городе, а дед – в своем уме. Как же, такое лакомое место, Заречная слобода, исторический центр! Здесь как на дрожжах выросли несколько гостиниц. Некоторые горожане и сами сдавали гостям свое жилье в аренду, а многие избушки использовались как дачи и пустовали в холодное время года. По-настоящему жилых домов в этом районе осталось не так уж и много: тетя Оля с улицы Кирова, пара художников на переулке Кропоткина, да несколько семей на Горе Левитана.

И они, Лисицыны.

– Ты ей сказал, куда идти? – буркнула Тоша, недобро поглядывая на соседний дом.

– На пальцах объяснил, – усмехнулся Тимур, делая глоток чая и убирая термос в карман.

Тоша перевела взгляд на видневшуюся за крышами Волгу. «Вот и хорошо», – подумала она. Свой дом она на съедение туристам никогда не отдаст. Это ее крепость.

Парный

1

Зима щедро сдобрила Плёс снегом, укрыв, как пряничный домик – сахарной пудрой. Выходные перемежались с Тошиными ночными сменами, долгами по учебе, заботой о дедушке. Температура за окном прыгала от мороза к оттепели, и небольшую простуду подхватили все Лисицыны от мала до велика. Больше всего Тоша переживала за дедушку, но тот быстро разделался с напавшим на него насморком. А вот «Москвич», словно насмотревшись на других членов семьи, начал горестно скрипеть тормозами. Приезжая с работы без сил, Тоша впервые в жизни не могла уделять машине время.

От Ангелины не было отбоя. Она закидывала Тошу сообщениями, звонила, спрашивала про Клима: «Общаетесь? Он тебе все еще нравится? Зачем тебе меняться сменами, не дури! Вдруг поладите?» Жаловалась, что «этот дундук даже не объяснил, где пропадал все это время». Тоша говорить про Клима не хотела, но не могла не признать: она снова о нем думает.

На работе пересекались редко, будто специально избегали друг друга. Тоша раз за разом прокручивала в голове ту смену, когда впервые увидела его в терминале.

«Вот так встреча, Антонина Лисицына».

Она молча уставилась на него, не подав признаков, что вообще узнала Клима, но была уверена – он и так все понял по ее глазам. Тоша встала, запихнула рюкзак под рабочий стол, расправила плечи и с (как ей казалось) гордо поднятой головой направилась к лифту.

Двери открывались целую вечность. Она слышала, как сзади подошел Клим, затылком чувствовала на себе его взгляд. Они вместе зашли в кабину, разбрелись по углам и оба забыли нажать на кнопку. Лифт закрылся и погрузился в полумрак – осталось лишь блеклое свечение от панели управления.

Тоша вздрогнула и словно отмерла. Протянула руку к кнопкам, но Клим неожиданно сделал шаг в сторону, закрыв их собой.

– Так и будешь играть в молчанку? – тихо спросил он.

Его голос с возрастом стал низким, глубоким – ничего мальчишеского в нем не осталось. А вот манера неторопливо, по-хозяйски тянуть слова, словно все время мира в его власти, пробудила в Тоше скрытые глубоко внутри воспоминания.

Казалось, в лифте накалились стены. Воздух обжег Тоше нёбо, дышать стало труднее. Она попыталась вдохнуть полной грудью, но легкие будто отказывались работать под пристальным взглядом Клима.

– Раньше ты была разговорчивее, – хмыкнул он. Глаза сияли в бледном свете двумя хрусталиками льда в ожидании ее ответа. Но Тоша не знала, что ему сказать.

– Не ожидал встретить тебя здесь. – Судя по всему, он не собирался отступать. Уставился ей на ноги и хмыкнул: – Юбки идут тебе больше, чем джинсы.

Тошины щеки вспыхнули. Она открыла рот, чтобы кинуть ему в ответ колкость, но на ум ничего не приходило. Вдруг зажегся свет, и кабина дернулась – лифт вызвали на втором этаже. Тоша была готова расцеловать того, кому понадобилось спуститься вниз.

– Кто-то прервал нашу увлекательную беседу, – Клим прислонился к стене, скрестив на груди руки. – Какая жалость.

Под ярким светом ламп Тоша заметила, как он изменился. От того Клима, каким она его помнила, остались лишь колкий взгляд да коротко стриженные каштановые волосы. На подбородке выступала щетина, закатанные до локтей рукава рабочего комбинезона обнажали

сильные руки с выпуклыми венами. Пальцы были мозолистые и грубые, как у людей, которые занимаются по жизни тяжелым трудом.

Конечно, он уже не тот двенадцатилетний мальчик, по которому она все детство пускала слюни. Он гораздо, гораздо… круче. Мужчина.

Тоша сглотнула и уставилась на двери лифта. Скорее наверх!

Они поднялись на второй этаж, и Тоша словно вдохнула свежего воздуха. У открытых дверей стояла Алена Криволапенко, стройная высокая шатенка с курносым носом и большими зелеными глазами. Она всегда напоминала Тоше олененка Бемби. Алена быстро прошлась по ней взглядом и с интересом задержалась на Климе, оглядела с ног до головы, будто тот был породистым скаковым жеребцом. Судя по выражению лица, она прикидывала, по размеру ли ей седло.

– Привет, – улыбнулась Алена.

– Доброй ночи, – кивнул Клим, возвращая ей оценивающий взгляд.

Тоша закатила глаза и обошла их, держа путь в кабинет.

– Вы наш новый инженер? – услышала она Алену. В голосе так и плясали флиртующие нотки. Наверняка уже думает, не позвать ли его на корпоратив.

Но Клим то ли не ответил, то ли просто кивнул – Тоша уже не видела. Зато чуть не запнулась от его сердитого тона, когда он окликнул ее:

– Антонина! Мы, кажется, не договорили.

Серьезно? Клим думает, ей все еще десять лет, и он может шпынять ее, как ту маленькую девочку, которую словно огрели по голове «конфундусом»? Тоша фыркнула, бросив на него презрительный взгляд через плечо, и дернула дверь кабинета, лишь в этот миг поняв, что Клим, скорее всего, шел сюда же.

Ну нет. Пространство в пять квадратных метров она с ним делить точно не готова.

Зачем она вообще поднималась на второй этаж? Кажется, «конфундус» спустя годы все еще работает.

Тоша развернулась на каблуках и снова направилась к лифту. Она собиралась спать? Спать она и пойдет. И неважно, что сон как рукой сняло.

– Ален, ты вниз? – спросила она, заходя в кабину и игнорируя колкий взгляд Клима, прожигающий ее спину.

– Ага, – промычала та и, кокетливо помахав ручкой инженеру, зашла вслед за Тошей.

– Осторожнее с лифтом! – крикнул он. – Лучше по лестнице.

Двери закрылись, и больше той ночью Тоша его не видела.

Если раньше аэропорт был ее отдушиной, то теперь она с тяжелым сердцем ехала в терминал в ту смену, в которую работал и Клим. Как ни крути, им приходилось видеться, но, слава Богу, дальше взглядов исподлобья и коротких телефонных звонков по рабочим моментам не заходило. Тоша скрещивала пальцы на удачу, когда поднималась в комнату инженеров, чтобы переодеться или перекусить, а если все же натыкалась на Клима, тот молча выходил, будто его срочно куда-то вызывали. Это было что-то новенькое – он избегал ее, упуская шанс подколоть?

После *того* случая в детстве, где бы они ни пересекались, в школьных коридорах или на улицах Плёса, Тоша при одном взгляде на Клима понимала: быть беде. Его мелкие пакости отравляли ей жизнь. Он воровал ее портфель и выкидывал из окна. Клеил на спину бумажки с обидными прозвищами, вместе с другими мальчишками смеялся над ее внешностью и одеждой. Ставил подножки и валил в снег на уроках физкультуры, когда Тоша неумело пробиралась по лыжне сквозь сугробы.

Она всегда мечтала, чтобы однажды случилось чудо, и Клим ее полюбил. Но когда он отобрал у нее мультитул, она захотела, чтобы он просто исчез. Она пыталась его ненавидеть, перебирала в памяти все те случаи, когда он над ней смеялся. Но все было без толку. Она знала – у него есть сердце. Убедилась в *тот самый* день.

Но и терпеть его выходки больше не могла и, лежа в постели перед сном, мечтала, что однажды Клим испарится. С глаз долой – из сердца вон. Так мама говорила, когда болтала по телефону с подругой, Тоша слышала.

Ее желание исполнилось: в доме Моревых случился пожар, и Клим исчез.

Говорили разное: что его родители-алкоголики спалили дом ночью, и все угорели; что, наоборот, это Клим устроил поджог, отправил родителей в больницу, а самого себя приговорил к детской колонии. Никто толком не знал, что произошло, даже Ангелина. Первое время она переживала, донимала расспросами маму, но выяснить ничего так и не смогла. Не выпускала телефон из рук, все ждала, когда Клим выйдет на связь и расскажет, что с ним случилось. Тоша ждала вместе с ней с затаенным в груди страхом – ее не отпускало ощущение, что это именно она со своими глупыми желаниями виновата в исчезновении Клима.

Ребята бегали на Советскую улицу читать вывешенную на информационном стенде плёсскую газету, но и там о пожаре писали в общих чертах. В школе и во дворах делились обрывками фраз, которые услышали от родителей. Те уходили от прямых ответов, лишь вздыхали и приговаривали: «Не бери в голову, иди играй». Слухи обрастали выдумками, как снежный ком, и Тоша не знала, чему верить. Учителя молчали – однажды только классная Клима сказала, что «с ним все хорошо, не волнуйтесь». После этого Ангелина перестала ждать от него сообщения – Тоша поняла это по звучавшей в голосе подруги обиде, когда та пересказала слова учительницы. Если с Климом все было хорошо, значит он сознательно не писал Ангелине. Какой друг так поступит? Тогда-то Линка и заявила, сжав кулачки: пусть только попадется ей на пути, она ему покажет. Вмажет хорошенько.

Но Клим так и не попался ни Лине, ни Тоше.

А теперь он, словно оживший призрак из прошлого, как ни в чем не бывало делил с ней один кабинет, и не важно, что Тоша появлялась там лишь на перерывах.

Она снова, как когда-то в школьных коридорах и дворах Плёса, наблюдала за ним. Будто настроенная на его радиочастоту, выглядывала из-за стойки справочной именно в тот момент, как только Клим появлялся в ее поле зрения. Неважно, чем он был занят: перемещался по терминалу с ящиком инструментов, чинил багажную ленту или менял лампу освещения, забравшись на платформу высокой лестницы, – у Тоши буквально зудело под кожей от одной лишь мысли, что Клим рядом.

В терминале он освоился быстро. Общался с ребятами с досмотра и из охраны, собирал вокруг себя стайки молодых девчонок, ладил с руководством и даже ходил на перекур со своим начальником. И каждый раз, проходя мимо справочной, долгим взглядом смотрел на Тошу.

Ей не хотелось признаваться самой себе, но, если бы Клим занимался другой работой – регистрацией пассажиров, розыском багажа, да пусть бы хоть управлял всем аэропортом, – он бы не привлекал ее внимание так, как в серо-синем рабочем комбинезоне.

В этой одежде и с инструментами в руках он напоминал ей дедушку.

2

До инсульта Лев Антонович Лисицын работал слесарем в управляющей компании. Любил возиться с техникой, никому не отказывал в помощи, если требовалось что-нибудь починить. Мама смеялась, что Тимур с Тошей взяли от него по одной половинке: брат – готовность прийти на помощь, а она – любовь к железкам.

Первым, кого Тоша видела, спускаясь вниз на завтрак, был дедушка в форменной синей куртке. Потягивая из кружки чай, он бросал на внучку полные любви взгляды, когда та, сонная и взъерошенная, угрюмо ковыряла ложкой кашу и рассказывала, что ей приснились танцующие вальс цилиндры двигателя внутреннего сгорания. Он дожидался, когда мама отвлечется, чтобы подлить себе кипятка, а отец встанет из-за стола, скажет всем «спасибо» и на прощание чмокнет детей в щеку. Тогда дед выуживал из кармана две конфеты в ярких обертках и незаметно клал их рядом с Тошей и Тимуром. Тоша с восторгом в глазах накрывала теплую дедушкину руку своей маленькой ладошкой и, пряча в карман конфету, знала – день будет замечательный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.